

Байнев, В.Ф. Инновационно-промышленная политика и монетарные факторы ее осуществления / В.Ф. Байнев, В.Т. Винник / В сб.: Теоретические и практические проблемы формирования инновационной экономики: Восьмые Друкеровские чтения: сб. науч. статей; Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины; редкол.: Б.В. Сорвиров [и др.]. – Гомель: ЦИИР, 2009. – С. 65-69.

ИННОВАЦИОННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И МОНЕТАРНЫЕ ФАКТОРЫ ЕЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

В.Ф. Байнев, В.Т. Винник (г. Минск, БГУ)

Сегодня, в технотронную эпоху XXI века, место страны в иерархии технологически развитых держав всецело определяется уровнем развития ее промышленного комплекса. Именно в промышленности максимальна концентрация наукоемких и высокотехнологических производств. К тому же она является поставщиком прогрессивных средств производства для прочих отраслей и сфер жизнедеятельности общества, определяя состояние технического прогресса страны в целом. В связи с этим неизмеримо возрастает роль инновационно-промышленной политики – инновационной политики в промышленном комплексе.

К сожалению, страны бывшего СССР по мере их либерально-рыночного «оздоровления» вместо прорыва в технотронное будущее, обещанного идеологами рыночных реформ, демонстрируют беспрецедентное для условий мирного времени разрушение их промышленного потенциала. Достаточно указать лишь на то, что с момента разрушения СССР общая доля стран СНГ на мировом рынке наукоемкой продукции сократилась более чем в 20 раз – с 20 до 0,3%, а удельный вес товаров сырьевой группы в их экспорте, наоборот, кратно возрос.

Исследования, проведенные в рамках НИР №20061700 «Теоретико-методологические основы межгосударственной инновационно-промышленной политики стран ЕврАзЭС как фактор их устойчивого развития» (задание ГКПНИ «Экономика и общество», 2006–2010 гг.), показывают, что на эффективность инновационно-промышленной политики определяющую роль оказывают монетарные факторы. В частности, выявлено, что процессы разрушения промышленного потенциала стран бывшего СССР во многом предопределяются отклонениями параметров функционирования их кредитно-денежных систем от общепринятых во всем мире значений. Речь идет о демонетизации их экономики и девальвации национальных валют, как следствиях монетаризма (об этом подробнее см.: Байнев В.Ф. На финансовой диете // Беларуская думка. – 2009. – №8. – С. 34–39; Байнев В.Ф. Неоиндустриализация – приоритет перехода к инновационной экономике // Наука и инновации. – 2009. – №8. – С. 56–60).

Так, при оптимальном коэффициенте монетизации экономики (отношении денежного агрегата M2 и ВВП) 60-100%, пороговом 50% и кризис-

ном 30% во всех странах ЕврАзЭС, включая Беларусь, его значение хронически существенно ниже критического уровня. Демонетизация как искусственно созданный под благовидным предлогом борьбы с инфляцией дефицит национальных денег ведет к ряду негативных явлений, среди которых:

- долларизация экономики, позволяющая развитым странам присваивать наши природные ресурсы и результаты труда в обмен на свою главную продукцию – «бумажки с портретами»;

- спекуляция кредитными ресурсами в паразитарной банковской системе, «обескровливающая» и разрушающая реальный сектор экономики;

- «выдавливание» дефицитной денежной массы из отраслей с малой скоростью обращения оборотных средств в сферы, где она существенно выше, то есть из инновационного и промышленного секторов в сферу обмена;

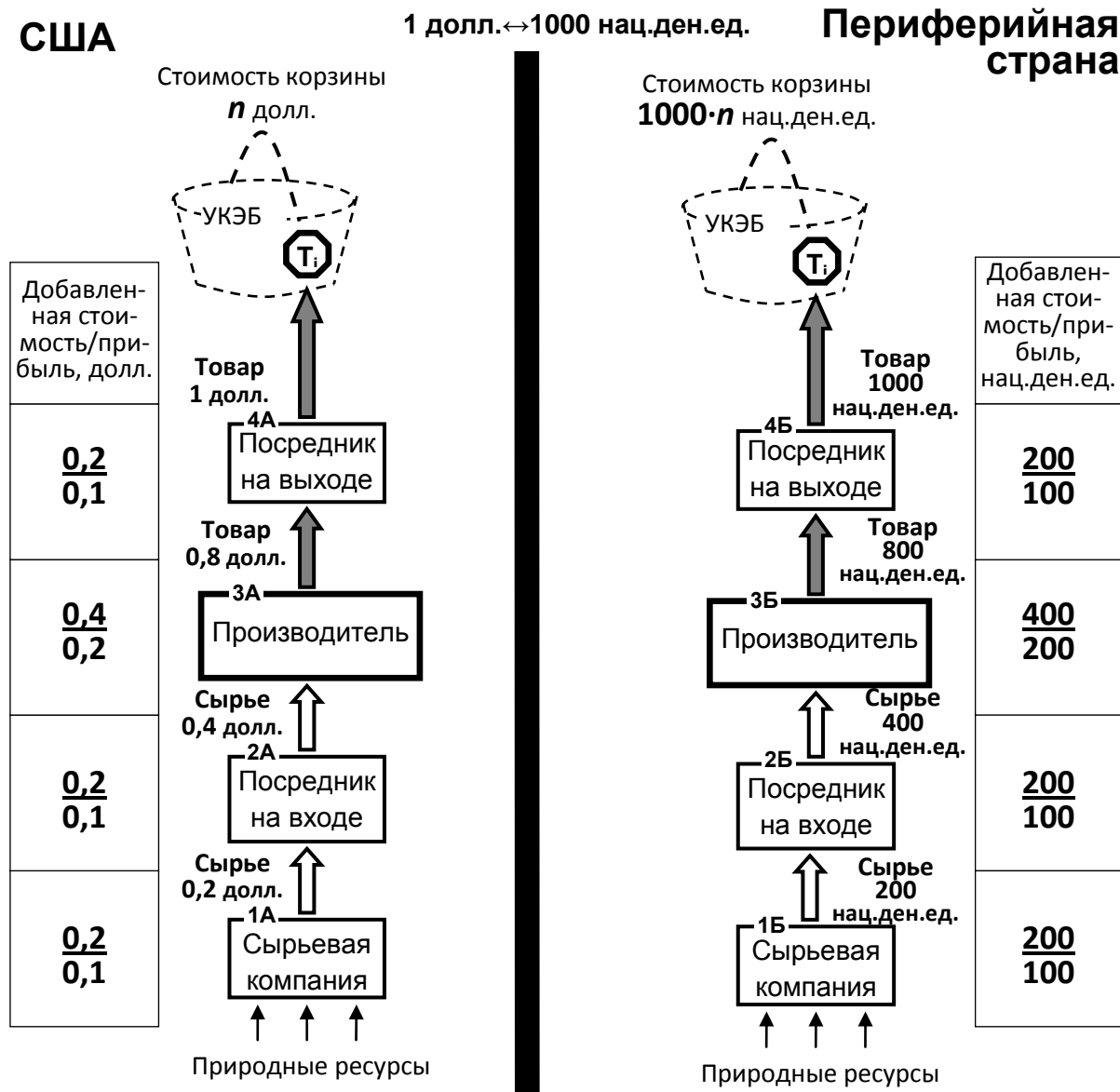
- кризис неплатежей из-за нехватки национальных денег, непосредственно разрушающий реальный сектор экономики и т.д.

Периодические и, как правило, навязываемые извне девальвации национальной валюты ведут страны ЕврАзЭС к искусственной кратной недооценке стоимости их национальных денег по отношению к мировым валютам. Так, известно, что сегодня международные финансовые институты определяют обменные курсы национальных валют через паритет покупательной способности (ППС), исходя из стоимости в разных странах условной корзины эквивалентных благ – УКЭБ, включающей в себя набор из почти 3000 товаров и услуг. Выявлена стойкая закономерность – технологически развитые страны поддерживают обменные курсы своих национальных валют на 10-20% выше значения, определяемого по ППС, в то время как отсталые и трансформирующиеся – в 1,5-5 раз ниже его. В частности, сегодня при справедливом, определяемом по ППС, обменном курсе белорусского рубля около 995 бел. руб./долл., его официальное значение составляет 2800 бел. руб./долл.

Рассмотрим влияние искусственно недооцененной национальной валюты на экономику на примере США и некоторой гипотетической периферийной страны, в которых созданы идентичные макроэкономические условия и выстроены одинаковые кластеры производства и сбыта товара T_i , входящего в стандартный набор УКЭБ (рис. 1 и 2).

В случае справедливого, определяемого по ППС, обменного курса 1000 нац. ден. ед./долл., обе производственные цепочки (элементы 1А-4А и 1Б-4Б на рис. 1) работают эквивалентно, за исключением того, что все стоимостные показатели выражаются в национальных деньгах. Это ведет к тому, что значения цены, добавленной стоимости и прибыли в обеих странах отображаются разными, однако пропорциональными по отношению друг к другу, числовыми значениями (см. рис. 1). В случае либерализации экономики и глубокой девальвации национальной валюты периферийной

страны до 3000 нац. ден. ед./долл. условия функционирования ее хозяйственных систем кардинально изменятся (см. рис. 2). В частности, посредник 2Б (он зачастую интегрирован с сырьевой компанией 1Б) оказывается заинтересован в тотальном вывозе сырья за рубеж (цепочка 2Б-2А-5Б-2Б), поскольку после обмена валютной выручки в банке по искаженному обменному курсу, его прибыль кратно возрастает. Не желая упускать выгоду от использования этого альтернативного канала сбыта, сырьевой посредник 2Б повышает внутренние цены на сырье с 400 до 600 нац. ден. ед.

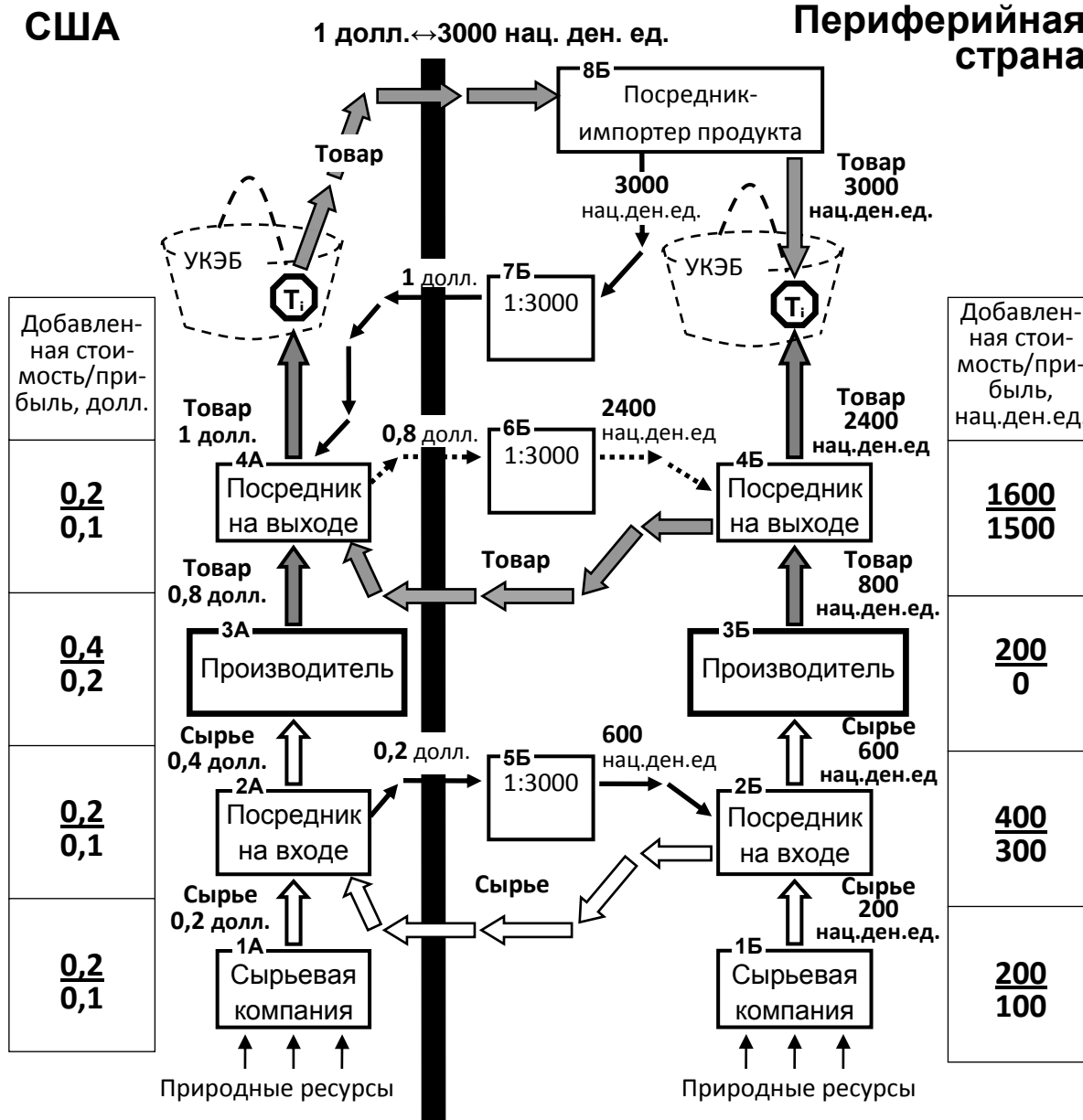

Примечание: все стоимостные величины приведены в расчете на единицу товара T_i

Рисунок 1 – Функционирование экономических систем США и периферийной страны при справедливом, соответствующем ППС, обменном курсе их национальных валют (1 долл. ↔ 1000 нац. ден. ед.).

США

Периферийная страна

Примечание: все стоимостные величины приведены в расчете на единицу товара T_i

Рисунок 2 – Функционирование экономических систем США и периферийной страны при искаженном обменном курсе их национальных валют, когда денежная единица последней недооценена относительно ППС в 3 раза (1 долл. ↔ 3000 нац. ден. ед.).

Указанный рост цен «съедает» прибыль производственного предприятия 3Б, поскольку оно вынуждено реализовывать свою продукцию по прежней, диктуемой рынком цене при заметно возросших производственных затратах. Если это предприятие уцелеет и продолжит функционировать, то посредник на выходе 4Б оказывается заинтересованным вывозить его продукцию за рубеж (цепочка 4Б-4А-6Б-4Б), поскольку обмен валютной выручки в банке по искаженному обменному курсу также обеспечивает ему кратный рост прибыли. Не желая упускать выгоду от использования этого альтернативного канала сбыта, посредник 4Б склонен повысить

внутреннюю цену на товар T_i с 1000 до 2400 нац. ден. ед. Если же предприятие 3Б не уцелеет, то посредник-импортер 8Б с удовольствием ввезет аналогичный товар из-за рубежа (цепочка 8Б-7Б-4А-8Б). Однако в этом случае цена этого товара на внутреннем рынке периферийной страны будет уже стремиться к 3000 нац. ден. ед.

Итоги в периферийной стране девальвации, ведущей к искусственной недооценке национальной валюты:

- резкое экономически необоснованное ухудшение условий функционирования производственных предприятий, невозможность их модернизации и даже их массовое разрушение на фоне кардинального перераспределения прибыли в сферу обмена (в пользу бесчисленных посредников), что ведет к деиндустриализации и примитивизации экономики;

- масштабный вывоз сырья из периферийной страны и ее превращение в «технологическое захолустье» и «сырьевую провинцию» цивилизованного мира;

- импорт в периферийную страну инфляции из США, которые, безудержно печатая новые доллары, «разгоняют» ее в глобальном масштабе, а девальвирующие свои национальные денежные единицы государства страны покорно утилизируют. Это проявляется в виде необоримого роста внутренних цен на сырье, промежуточную и конечную продукцию на периферии, которая «инфлюирует» вместо глобального центра;

- снижение уровня жизни населения периферийной страны и покупательского спроса из-за роста цен, что является дополнительным фактором сокращения промышленного производства.

В связи с этим для преодоления указанных проблем и реализации эффективной инновационно-промышленной политики в странах СНГ, ЕврАзЭС и Союзного государства необходимы их следующие совместные, скоординированные действия:

- доведение коэффициента монетизации экономики до уровня технологически развитых стран (60-100% от ВВП) по мере дедолларизации – активного вытеснения доллара, евро и других валют из сферы их обращения;

- доведение (кратное повышение) обменных курсов национальных валют до значений, определяемых ППС;

- компенсация промышленно-производственным предприятиям эффекта их дискриминации рынком по сравнению с торгово-посреднической сферой через предоставление им доступа к кредитным ресурсам по приемлемой стоимости и существенных налоговых льгот;

- упор на развитие крупных и сверхкрупных вертикально интегрированных производственных компаний, которые могут конкурировать с западными ТНК. При этом государство не должно заниматься решением проблем малого и среднего бизнеса, который призван работать по заказам крупных предприятий.